В. В. СТАСОВ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

3

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

историк искусства и литературы, музыкальный и художественный критик и археолог.

- В. В. Стасов
  -
  - КОММЕНТАРИИ
- notes
  - 1

В. В. Стасов
К юбилею Стравинского

На афишах объявлено, что 3 января 1901 года в Мариинском театре совершится бенефис Стравинского, за 25[-летнюю] службу на театре. Действительно, для дирекции, для конторы, для служащих и там, и здесь, это — бенефис с наградой. Для нас, публики, это совсем другое. Это — юбилей, который нам надо, который нам должно отпраздновать, не в награду, не в милость, — у нас таких нет, — а для того, чтобы выразить высокому художнику, как мы благодарны ему за все, что доставлял нам его талант в течение целой четверти столетия, за те минуты, часы счастья, наслаждения, художественного любования и национальной гордости, которые он давал нам так богато испытывать. Стравинский был всегда и есть до сих пор, без изменения, несмотря на пролетевшую целую четверть века, один из самых крупных, замечательных и оригинальных художников, являвшихся на подмостках русского оперного театра. Мне случалось уже не раз указывать в печати на то, каким он является ярким и значительным преемником великого художника нашего прежнего времени, Ос. Афан. Петрова, того, что благодарная публика, в день 50-летия его оперной деятельности, 21 апреля 1876 года, провезла собственными руками в его карете от театра до дома. Но наследие Петрова было так велико, глубоко и широко, что пришлось не на одного крупного артиста, а на нескольких. Одни из его ролей взял на свои плечи и с могучим талантом пронес, полный чувства, сердечности, выразительности и правды — идеалист Мельников (Руслан, мельник); другие взял, поднял и блистательно выставил перед нами даже до последнего дня, со всею силою оригинальности и дарования — реалист Стравинский (Фарлаф, Варлаам, Сен-Бри в «Гугенотах», Фальстаф в «Виндзорских кумушках», разбойник Джакомо во «Фра-Диаволо», Каспар во «Фрейшюце»); наконец, третьи роли взял и, превзойдя, быть может, великим, разностороннейшим талантом всех других, в своеобразном новом свете представил новейший талантливый молодой русский художник — идеалист и реалист вместе, Шаляпин (его величайший chef d'oeuvre Иван Грозный в «Псковитянке»). Каждый из этих значительных мастеров создал вновь много и других, кроме созданных О. А. Петровым, чудных, поразительных характеров и личностей, и всякий раз с замечательной оригинальностью: у Мельникова явились — Руслан, Борис Годунов, Дон Карлос, Ратклифф; у Стравинского —

Скула в- «Князе Игоре», Олоферн, Еремка, Грозный в «Купце Калашникове», голова в «Майской ночи», ландграф в «Тангейзере», Марсель и Сен-Бри в «Гугенотах», Спарафучнло в «Риголетто»; у Шаляпина — князь Владимир Галицкий, Мефистофель и множество разнообразнейших трагических, комических, исторических и бытовых ролей, с каждым днем все вновь и вновь вырастающих в его сокровищнице ролей.

Но с великим сожалением приходится отметить тот факт, что как ни значительны были всегда талант и творчество Стравинского за все 25 лет его деятельности, как ни любила его всегда, как ни признавала, как высоко ни ценила его наша публика, театральное управление всех 25 лет никогда не отдавало ему полной справедливости и не доставляло публике возможности и случая выразить этому крупному художнику всю свою признательность. В целых 25 лет никогда не найдено было нужным отвести ему его собственный праздник, «именинный день», бенефис. Похоже это на что-нибудь? Достойно, прилично это? Десятки исполнителей посредственных, иногда жалких, фальшивых и ничтожных, широко пользовались всевозможными льготами, как ласковые телята у трех маток сосали, — одни только истинные, многозначительные таланты, как, например, Стравинский, должны были стоять в уголку, в тени, и, вероятно, с досадой и болью видели, как «фавор» порхает по другим головам. Нынче для Стравинского пришел другой час и день, — ну, и слава богу! Пусть этот час будет значителен, долог и мил. Это всем нам нужно, даже хотя бы только для одного нашего народного достоинства. Не в одной же пошлой и безалаберной итальянщине для нас все счастье! Пусть 3 января покажет Стравинскому всю меру уважения и благодарности его современников.

Я давно с любовью и участием слежу за Стравинским, за всеми проявлениями его своеобразного таланта, исполнения, декламации и пения, великолепной игры, мимики, выразительности, характеристики и потому могу представить моим читателям несколько, надеюсь, интересных и почтенных фактов и цифр.

После учения в Петербургской консерватории Стравинский, еще юноша, поступил на киевскую оперную сцену в 1873 году и пробыл в ней три года (один год у антрепренера Бергера и два года у антрепренера Сетова); в 1876 году он поступил на петербургскую императорскую сцену.

С 11 сентября 1873 года и по настоящее время он исполнил около 70 ролей в русских и иностранных операх. В продолжение этого времени в его репертуаре прошло около 64 опер. В некоторых из них он исполнял по две роли (в «Руслане» — роли

Руслана и Фарлафа; в «Жизни за царя» — Сусанина и начальника польского отряда; в «Борисе Годунове» — Варлаама и кардинала Рангони; в «Гугенотах» — Сен-Бри и Марселя; разбойника Джакомо и милорда во «Фра-Диаволо»; Бартоло и Дон Базилио в «Севильском цирюльнике» [1].

Всех спектаклей, где Стравинский участвовал до сих пор, было около 1400. Из них он исполнял Фарлафа — 132 раза, Мефистофеля (Гуно) — 125 раз, Сен-Бри — 90 раз и т. д.

Но есть роль, в которой, к несчастью, он до сих пор никогда не появлялся, это — роль Лепорелло в «Каменном госте» Даргомыжского. В этой роли Петров в начале 70-х годов был столько же неподражаем, точь-в-точь столько же гениален, как в Варлааме, Фарлафе, мельнике и других своих великих шедеврах, а судя по всем лучшим ролям Стравинского, надо полагать, что и из Лепорелло он создал бы фигуру величайшего совершенства, правды, комизма и юмора. Но ведь у нас на театре не хотят знать «Каменного гостя». Еще бы! Великий своеобразнейший шедевр, которым наше отечество должно гордиться! То ли дело «Демоны», «Нижегородцы», «Корделии», «Паяцы», «Сельские чести»? Те усердно давать на театре и можно, и должно.

В заключение мне хочется, мне надо горячо пожелать, — и наверное у меня будет в этом много товарищей, — чтобы Стравинский надолго, надолго оставался украшением, несокрушимою силою и помощью русской оперной сцены. Навряд ли скоро был бы кто-нибудь способен заменить его, вознаградить за него. У нас настоящие таланты так редко, так туго являются.

1900 г.

КОММЕНТАРИИ

«К ЮБИЛЕЮ СТРАВИНСКОГО». Статья напечатана впервые в 1900 году («Новости и биржевая газета», 30 декабря, № 360).

Монография-миниатюра «К юбилею Стравинского» имеет двоякое значение: во-первых, вплоть до последнего времени она являлась почти единственной специальной работой, посвященной этому замечательному певцу. Во-вторых, в ней, как и в некоторых других монографиях, Стасов повторяет свои излюбленные мысли: ратует за «Каменного гостя» Даргомыжского, нападает на итальянскую музыку, требует устройства юбилеев не только как торжеств, «вдохновляющих» к творчеству, но и как мероприятий, имеющих «народное» значение. Поэтому публикуемая статья Стасова приобретает интерес не только как биографический материал, но и как ряд принципиальных высказываний.

Говоря о преемниках знаменитого русского певца О. А. Петрова (1807–1878) — И. А. Мельникове (1832–1906) и Ф. И. Стравинском (1843–1902), Стасов называет первого из них идеалистом, второго реалистом. По-видимому, он имеет здесь в виду «романтический» стиль исполнения Мельникова, противопоставляемый им рационалистической работе над ролью Стравинского.

Статья «К юбилею Стравинского» лишний раз свидетельствует о неустанной заботе Стасова о процветании реалистического, передового русского искусства.

notes

Примечания

1

В прежние времена О. А. Петров также исполнял по нескольку ролей в одной и той же опере, например: роли Руслана и Фарлафа в «Руслане»; князя Владимира странника и жреца в «Рогнеде»; крестьянина, Куно, Каспара и отшельника во «Фрейшюце»; трактирщика, милорда и разбойника во «Фра-Диаволо»; Рудольфа и Мельхталя в «Карле Смелом»; Георга и Вольтана в «Пуританах»; Антона и Раймонда в «Лучии»; Белькоре и Дулькамара в «Любовном напитке»; разбойника и опекуна в «Страделле». — В. С.